

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
STATE UNIVERSITY OF SARATOV

**CONVERGENCE AND DIVERGENCE
IN THE DEVELOPMENT OF
CHALCOLITHIC – BRONZE AGE
CULTURES IN MIDDLE AND EASTERN
EUROPE**

MEETING PAPERS
AUGUST 21–25, 1995, SARATOV

St.-Petersburg
1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ
СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
21–25 АВГУСТА 1995 ГОДА, САРАТОВ

Санкт-Петербург
1995

каторов относятся вазы на полых ножках, также встречающиеся в Центральном Закавказье и восходящие по форме к бронзовой вазе из триалетского кургана XV (Лори Берд, Карашамб, Артик). Характерным элементом рассматриваемых комплексов являются крупные двуструбные сосуды и глиняные "ящички" со сквозными треугольными и круглыми "окошечками" (Лчашен, Лори-Берд, Карашамб; Девяджян 1982; Арешян и др. 1990), а также горшки с клиновидным тисненым орнаментом (Артик; Хачатрян 1979) и сосуды в форме "индийского ореха" (Лори Берд, Карашамб, Лчашен; Девяджян 1982; Арешян и др. 1990). В этот же период внезапно появляется раскраска (затертость) красной и белой пастой традиционного для средней бронзы орнамента, выполненного "шагающей гребенкой"; в эпоху поздней бронзы этот технологический прием орнаментации полностью исчезает.

При анализе сосудов среднебронзового периода в перечисленных закрытых комплексах южных областей Закавказья однозначно устанавливается их принадлежность к кармир-бердской культуре. Это преимущественно красноангобированные горшки и кувшины с черной росписью в виде характерных фризов, заполненных традиционными "бабочками", сетчатыми и "шахматными" полями, гирляндами свисающих волют, а также чернолощенные сосуды с гребенчатым орнаментом. Ни одного сосуда, характеризующего какую-либо иную среднебронзовую культуру, бытовавшую в этой области региона, в названных погребениях не встречено. В этих же погребениях с ними существуют сосуды, принадлежность которых к позднебронзовой эпохе не вызывает сомнений. Это, как правило, не схожие с только что описанными крупные "кухонные" горшки с шероховатой поверхностью, "ногтевым", "семечковидным" или зигзагообразным орнаментом, либо лощеные небольшие сосуды с "ломаной" профилировкой. На них отсутствует цветной ангоб и какие-либо признаки росписи.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть следующее:

1. Представление о кармир-бердской культуре как о самой ранней культуре эпохи средней бронзы в южных областях Закавказья в свете приведенных данных является ошибочным; опираясь на материалы погребений переходного этапа, кармир-бердскую культуру следует считать непосредственно предшествующей эпохе поздней бронзы.

2. Сделанное заключение побуждает к началу пересмотра внутренней хронологии кавказских культур эпохи средней бронзы (Арешян и др. 1990).

3. Переходный период характеризуется сменой технологии изготовления керамики, которая приводит к массовому выпуску посуды нового типа.

4. Спецификой комплексов переходного периода является отсутствие синкретических форм посуды, в которой сочетались бы особенности гончарного производства предшествующей и последующей эпох.

5. В этот же сравнительно короткий отрезок времени появляются и вскоре исчезают новые формы посуды (сосуды с двуцветной пастовой росписью после обжига, вазы на полых ножках, двуструбные "курильницы" с прорезями), а также новые приемы орнаментации (затертость гребенчатого штампа белой и красной пастой, тисненые глинышки, узорчатое лощение). Эти признаки в дальнейшем могут служить индикаторами рассматриваемого короткого промежутка времени.

Датировка промежуточных комплексов определяется не только представленным сочетанием артефактов. В нескольких названных погребениях находились такие датирующие изделия переднеазиатского происхождения как хурри-митаннийские печати (Артик, Шамирам; Хачатрян 1977; Арешян 1983; Арешян и др. 1990), пастовые бусы-разъединители (Арнч, Артик, Ирганчай и др.; Хачатрян 1975, 1977), мечи с рамочной рукоятью (Артик), что позволяет комплексы, возникшие на стыке двух археологических веков, датировать XV-XIV вв до н. э.

Н. Б. Виноградов
(Челябинск)

ЮЖНЫЕ МОТИВЫ В КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Масштабные исследования памятников эпохи бронзы, произведенные за последние два десятилетия в степях Южного Зауралья и в сопредельных районах Казахстана, сделали для большинства специалистов очевидным тезис о невозможности объяснения процессов формирования, развития и смены местных

культур, исходя только из их внутреннего саморазвития или с привлечением к анализу лишь широтных связей.

Вопрос о южных связях степных казахстанских и южно-уральских культур бронзового века поднимался неоднократно (Е. Е. Кузьмина, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина и др.). Однако небольшая источниковая база и недостаточная разработанность на теоретическом уровне механизмов взаимодействия степных обществ этой эпохи как между собой, так и с земледельцами Средней Азии, породили и различные выводы. Г. Б. Зданович считает возможным говорить о влиянии южных земледельческих культур на формирование выделяемой им петровской культуры. Е. Е. Кузьмина определяет контакты северо-степных скотоводов с земледельцами Средней Азии как спорадические, апеллируя к малочисленности прямых свидетельств об этих контактах (керамика, бирюзовые и лазуритовые бусы).

В Южном Зауралье до недавнего времени материалы, имеющие прямое отношение к обсуждаемому вопросу, ограничивались находками каменных бус в Синташтинском могильнике (Е. Е. Кузьмина). Работы экспедиции Челябинского пединститута позволили несколько удлинить этот ряд. При исследовании слоя петровской культуры на укрепленном поселении Устье-1 (север Караталинского р-на Челябинской обл.) из колодца в помещении № 3 (участок Ф/24) был извлечен крупный фрагмент керамической тарелки на невысоком поддоне. Диаметр 24 см, максимальная глубина полости до 4 см. Тарелка ручной лепки, толстостенная, с хорошо заглаженными поверхностями, без орнамента. На внутренней поверхности красноватые пятна. Еще один обломок от этой тарелки был найден вне колодца на соседнем участке. Находка эта уникальна. Подобная форма нехарактерна для гончарства петровской культуры, представленного горшечно-баночными и баночными формами. Объяснение появления описанной находки в керамическом комплексе может быть различным. С одной стороны, эту находку можно расценить как выполненную вручную реплику кругового сосуда; тогда исходные формы следует искать далеко на юге, в Средней Азии. С другой стороны, находку можно расценить как местную новацию, обусловленную функциональным назначением сосуда.

Второй пример более определен. Он связан с исследованиями алакульского в своей основе могильника Кулевчи-6 на вос-

токе Варненского р-на Челябинской обл. Здесь, при изучении алакульско-федоровского комплекса ям №№ 29 и 30 с остатками обряда кремации и сгоревших надгробных конструкций были обнаружены по два сосуда: крупный горшечно-баночный сосуд и глубокая миска. Горшки по всем параметрам типичны для алакульско-федоровского времени в Южном Зауралье. Этого нельзя сказать о мисках. Их диаметр по верхнему краю – до 26 см, внутренняя глубина – до 9 см. Черепок краснокирпичного цвета. В пористом тесте – крупный песок. Обе миски тонкостенные, но явно ручной формовки. Описанный тип керамики не имеет ничего общего с местной гончарной традицией и рассматривается как лепная реплика круговой среднеазиатской продукции времени Намазга VI (А. Аскараров)

Исследование алексеевского поселения Кинжитай (восток Варненского р-на) дало небольшую коллекцию керамики с пола обширного полуподземного жилища № 1. В абсолютном большинстве это традиционные для алексеевской культуры типы сосудов. Среди них особняком смотрится сосуд ручной лепки средних размеров, с плавной профилировкой, сильно выпуклым туловом и небольшим дном. Его наружная поверхность лишена орнамента, аккуратно заглажена и, скорее всего, ангобирована. Местные корни этой формы вряд ли возможны. Близкие по форме сосуды имеются в памятниках переходного от бронзового к раннему железному веку в Южном Приаралье (Б. И. Вайнберг). Единичные схожие формы известны и в алексеевских памятниках Верхнего и Среднего Притоболья (О. А. Кривцова-Гракова, Т. М. Потемкина).

Приведенные выше факты безусловно нуждаются в дополнительной обработке и осмыслении. Но несколько предварительных выводов на уровне рабочих гипотез можно сделать.

1. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы рассматриваемого района пока единичны и представлены лепными репликами среднеазиатской круговой керамики.

2. Связи южно-уральского степного населения этой эпохи с районом Средней Азии осуществлялись опосредованно, через массив родственных скотоводческих культур степей Казахстана.

3. Для алакульско-федоровского времени, учитывая и многие другие свидетельства, вполне возможно говорить о физическом появлении в Южном Зауралье групп казахстанского степного

населения. Именно в это время прежде достаточно однородный керамический комплекс разделяется на бытовую и ритуальную посуду. Этот вопрос уже прошел обсуждение (Г. Б. Зданович). Миски из Кулевчей должны рассматриваться как форма ритуальной керамики. Истоки этой традиции необходимо искать с одной стороны, в развитии племен скотоводов степей Казахстана и Южного Зауралья в одном и том же направлении; с другой стороны — в разной скорости этого процесса. Последнее может быть объяснено не только природными условиями, но и разными уровнями контактов с земледельческими районами Средней Азии, где разделение керамики на функциональные группы произошло гораздо раньше.

4. Кинжитайскую находку пока вряд ли целесообразно комментировать, поскольку финал бронзового века в Южном Зауралье изучен фрагментарно. Однако, уже в начале раннего железного века, по мнению А. Д. Таирова, номады Южного Зауралья были неотъемлемой частью сакского мира, а со второй половины I тыс. до н. э. Южное Зауралье и район Средней Азии уже были связаны караванными путями.

В. В. Филиппченко
(Саратов)

МОЗАИКА КУЛЬТУР ВОЛГО-ДОНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Степное Заволжье эпохи средней бронзы ярко иллюстрирует сложность культурных процессов, происходящих в пограничных зонах степи и лесостепи. Этот регион, представляющий собой мощный очаг культурогенеза породил такое яркое явление как нижневолжская полтавкинская культура, ставшая впоследствии базовой при выделении полтавкинской КИО. Основным критерием родства культур, составляющих общность, стала керамика и второстепенным — погребальный обряд. Нижневолжская полтавкинская культура, занимавшая степное левобережье Волги, оказала решающее воздействие на оформление средневолжской (лесостепной), приуральской (степной) и прикаспийской (полупустынной) полтавкинских культур. Естественной западной границей общности считалась Волга, по которой обозначилась зона

взаимодействия с катакомбным миром. Основой же полтавкинской КИО является предшествующая ей ямная культура.

Однако, накопленные за последнее десятилетие артефакты и их осмысление заставляют внести ряд корректив в "полтавкинскую" концепцию средней бронзы Заволжья. На материале степного Заволжья была выделена волго-донская культура-дериват, сформировавшаяся на местной "ямной" основе под влиянием донецкой катакомбной культуры. Отголоски этого влияния прослежены на территории всего Волго-Уральского междуречья.

Исследователи средней бронзы Приуралья сочли нецелесообразным выделение там полтавкинской культуры, считая, что в эпоху средней бронзы в Приуралье население полностью продолжило традиции ямной культуры. Предполагается (и небезосновательно), что большинство комплексов степной нижневолжской полтавкинской культуры также тяготеет к родственным приуральским, объединяясь с ними в рамках одной культурной группы степных районов Волго-Донского междуречья. Влияние катакомбной культуры в этом регионе не прослежено. Поэтому нижневолжскими полтавкинскими считают лишь памятники (они весьма малочисленны), находящиеся непосредственно в волжском бассейне. В целом, рассматриваемые выше концепции показывают наличие в степном Заволжье самостоятельного культурного образования, хотя его происхождение, связи и ареал распространения трактуют по-разному.

Некоторую ясность в решение этих вопросов внесло выделение в правобережных (лесостепных) районах катакомбной группы памятников. Сравнительный анализ показывает большой коэффициент сходства их с заволжскими памятниками бассейна Волги и меньший — с памятниками более отдаленной степи на востоке; на западе ощущается близость названных памятников со среднедонской катакомбной культурой (лесостепной), что, очевидно, связано с единой основой их сложения.

В развитие идеи Волго-Донской катакомбной культуры логично предположить наличие лесостепной катакомбной провинции (области). В ее состав можно включить левобережные среднедонские катакомбные памятники, правобережную поволжскую катакомбную и заволжскую группы (в непосредственной близости от Волги). Различия внутри провинции обусловлены кон-